

Евсеев Иван Валентинович - ст. преподаватель кафедры «Экономики отраслей и рынков» Челябинского государственного университета.

Из истории возникновения пенитенциарного направления в России.

Исследователи уголовно-исполнительной системы России пока не пришли к единому мнению, что считать пенитенциарным, а что считать карательным элементом системы. Так же отмечается тенденция считать пенитенциарным направлением привлечение осужденных к тяжелому ручному труду. Некоторые утверждают, что пенитенциарная система появилась еще при Иване Грозном, когда виновных пытали, содержали в земляных срубках и т.д.

Но если обратиться к содержанию пенитенциарного направления и его сущность соотнести с Российской действительность, то можно сделать вывод была ли система России пенитенциарной.

На начальном этапе пенитенциарного воздействия, как считали исследователи, осужденных необходимо содержать в тюрьмах, где есть одиночные изолированные помещения – камеры, которые способствуют раскаянию. В этих учреждениях особый режим содержания, и ввиду этого осужденные во многом находятся в изоляции друг от друга, они лишены возможности влиять друг на друга, т. е. лишены возможности передавать преступный опыт. Все свободное время заключенных должно быть занято обучением и воспитательными мероприятиями, имеющими четкое социальное направление, которое должно включать возобновление родственных связей и помощь со стороны родственников в процессе перевоспитания.

За период отбывания наказания у осужденного при помощи пенитенциарных мер формируются навыки трудовой деятельности, востребованной в социуме, что позволяет ему найти свое место в обществе, а укрепленные родственные связи закрепляют полученный результат.

При выходе на свободу пенитенциарное воздействие не прекращается: специальные органы помогают гражданину после отбытия наказания в виде

лишения свободы устроиться на работу, получить жилье, восстановить отношения с родственниками и т.д.

В целом можно указать, что под пенитенциарной системой понимается совокупность мер государственного воздействия и мер по организации и функционированию исправительных учреждений. При этом деятельность учреждений сфокусирована на точном и неуклонном исполнении наказания ради ограждения общества от преступников и ориентирована на перевоспитание на основе комплекса мер, направленных на снижение риска для общества после их освобождения и приучение оступившихся граждан жить в обществе согласно законам. Из всего сказанного можно выделить основную цель этого воздействия - перевоспитание преступника при использовании соответствующих методов и способов, которые направлены на возвращение в общество гражданина после отбытия наказания.

Основные принципы пенитенциарного воздействия сформировались еще в конце XVIII в. в Англии, в их число включались такие ключевые принципы, как:

- исправление и социальная реабилитация в условиях тюремного заключения путем изменения поведения заключенного;
- дифференциация осужденных с учетом тяжести совершенных ими преступлений, возраста, криминальных наклонностей, а также применяемых в отношении их исправительно-воспитательных методов;
- индивидуализация исполнения наказания в зависимости от особенностей поведения конкретного заключенного с возможностью сокращения определенного приговором или административным распоряжением срока или досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания;
- привлечение к труду как один из главных элементов ресоциализации осужденного, причем труд должен выступать мерой

смягчения наказания и обретения профессиональных навыков, необходимых после освобождения;

– обязательность постпенитенциарного контроля за поведением освобожденного из мест заключения лица, а также оказание ему в первое время реадaptационной поддержки¹.

В России же осужденного закрывали в тюрьму или острог без всякого пенитенциарного воздействия. Основными учреждениями исполнения наказания в царской России считались: тюрьмы, остроги, арестантские комнаты и т.д.

Рассмотрим эти учреждения и быт в них на протяжении веков и сделаем вывод можно - ли их назвать пенитенциарными, а систему пенитенциарной по сущности?

Заключение осужденного в земляную тюрьму, а также в тесные тюремные «чуланы» считалось самым суровым наказанием в России. Один из указов об упорствующем раскольнике гласил: «Бить кнутом нещадно и сослать в Соловецкий монастырь в земляную тюрьму для покаяния, и быть ему там до кончины жизни его неисходно»². Земляные тюрьмы представляли собой глубокие ямы, где стены представлялись в виде сруба из бревен, и здесь же размещалось отхожее место для нечистот. Похожими по своему устройству были заводские земляные тюрьмы. Они обкладывались изнутри и по дну кирпичом или камнем, а потолки представлялись кирпичными сводами. Именно в потолке было отверстие, через которое для заключенных опускали еду. И это отверстие было источником света, которое открывалось на момент приема пищи. Над тюрьмой как правило располагалась башня, как на Кыштымском заводе. Узник жил в яме на гнилой соломе в полной

¹ Представленные взгляды нашли свое отражение в книге Дж. Говардона «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» (1777 г.) и оформленные парламентским актом «О пенитенциарных учреждениях». См. Кузьмин К.В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX в.). — Екатеринбург, 2003. — С. 334 - 336.

² См. Иванов А. И..Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки, 1927. Описанию Соловецкой тюрьмы посвящены следующие работы: М. Колчин. Ссылные и заточенные в Соловецком остроге в XVI - XIX в. М., 1908; В. И. Немирович — Данченко. Соловки. СПб., 1875; А. С. Пругавин. В казематах. СПб., 1909; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 1 - 5. М., 1951 - 1956; Д. Венедиктов. Палачи в рясах. М., 1923.

темноте, одолеваемый полчищами паразитов и крыс и вечной темноте и сырости и воспитательную работу с ним вели, так как он находился в крошечной темноте.

Если узникам земляных тюрем больше всего досаждали вши, крысы, холод и сырость, то сидевшие в «уединенной тюрьме» монастыря – каменных «чуланах» вдоль внутренних стен, страдали от тесноты: ни встать, ни лечь, ни вытянуть ноги они не могли. В среднем величина каменного мешка была 2,15 на 2,2 метра. Окно кельи - камер были очень узки и почти не пропускали света, воздуха и находились они под потолком.

Монастырские тюрьмы считались самыми суровыми. В XVIII в. существовало несколько категорий колодников, которых отсылали в монастырь. Это были расстриженные священники и монахи, нераскаявшиеся старообрядцы («раскольники»), отпавшие от православия миряне, богохульники (среди них было немало сумасшедших), убийцы, приговоренные не просто к тюремному заключению, но и к покаянию и смирению в тяжелых монастырских работах, и, наконец, политические преступники.

Наряду с монастырскими тюрьмами существовали и государственные учреждения изоляции и содержания преступников. К таким можно отнести: гауптвахты, «колодничьи палаты», остроги и тюрьмы.

Гауптвахта представлялась довольно простым сооружением. Изнутри она выглядела примерно так. Деревянная казарма без внутренних перегородок, в ней на голых нарах спали заключенные. Дверь была одна и была она довольно массивной. Она запиралась снаружи двумя засовами на навесном замке. Сооружение отапливалась каменными печами, которых как правило было две. Но были случаи, когда печей не было и такое сооружение называли «холодной». В некоторых крепостях Южного Урала были остроги, где вместо одной большой казармы стояли несколько изб поменьше, внутри каждой находились одна-две камеры - «колодничьи палаты». Именно в этих палатах могли содержаться арестованные из числа военных, горожан или

степняков. Местные судебные и административно-полицейские учреждения имели, как правило, свои или совместные тюремные и арестантские заведения: «колодничьи избы» и «палаты», «чуланы»³.

В губернском городе находилась центральная тюрьма – острог. Сохранилось одно описание типичного центрально острога сделанное еще в середине 1770 гг.. Именно из таких острогах (централов в будущем) во все стороны расходились этапные тракты. Внутренняя часть строения была разделена внутренними стенами на несколько секторов, внутри которых стояли по четыре восемь изб, в каждой из них была одна общая камера на 25–30 человек. Всего же острог был рассчитан на 800 заключенных. На сектора острог делился для того, чтобы изолировать подследственных от осужденных и ссыльных, мужчин от женщин. В других тюрьмах такое деление соблюдалось не так тщательно, и часто разные категории заключенных, а также мужчины и женщины жили вместе, о чем мы узнаем из документов о доносах и драках в тюрьме с участием женщин и даже детей.

Администрации учреждений занималась только охраной. Жизнь осужденных внутри тюрьмы регламентировалось законами старосты, который отвечал пред администрацией за порядок и обеспечение заключенных. Воспитательная работа сводилась к проповедям и службам местных священников, которые иногда посещали остроги и тюрьмы, но это было скорее исключением, чем правилом.

В 1775 г. губернаторы получили предписание помимо тюремного замка организовать «работные» дома для содержания неимущих в добровольном и принудительном порядке для прокормления⁴. Тогда же появились и «смирительные» дома для лиц, ведущих недостойный образ жизни - пьяниц, проституток, бродяг и т.п. (в т.ч. и для несовершеннолетних). Законом 1775 г. предусматривались также телесные

³ Сизиков М.И. История государства и права России с конца XVII до начала XIX века. - М., 1998. -С. 25

⁴ Яковлев СП. Вопросы трудоустройства заключенных по Своду учреждений и уставов содержащихся под стражею 1890 года // Сборник научных статей преподавателей и аспирантов. Выпуск XV. Ч. 2. - Чебоксары: Салика, 2001. - С. 318-323.

наказания заключенных за нарушение установленных в месте заключения правил.

Ссылка на каторгу, как установленную законом меру наказания, впервые в России стали применять при Петре I⁵. Каторжан использовали в качестве гребцов на галерах, отправляли в рудники, солеварни, на фабрики и заводы, использовали на строительство гаваней, крепостей (на Южном Урале они участвовали в постройке крепостей Яицкой линии). Нехватка рабочей силы и тяжесть работы на горных уральских заводах способствовали широкому применению принудительного труда. Практически на каждом казенном заводе имелась своя заводская тюрьма. Так как в основном строились преимущественно частные заводы, то и тюрьмы были частными. Заводы строились в лесистых районах, на небольших речках недалеко от месторождений руд и это определяло, что местная власть не всегда знала о существовании таких тюрем. Охрана таких тюрем была представлена из работников завода. Это было связано с тем, что численность охраны была невелика и ее функции частично перекладывались на вольных мастеровых. Инструкция управляющего уральскими казенными заводами Вилима Геннина обязывала кузнецов одновременно, и работать, и сторожить арестантов, которых приводили в кузницу для работы. Исполнять функции сторожей рабочим навязали «за скудостью» солдат. В случае бегства арестанта рабочему угрожала каторжная работа. «А ежели, которой кузнец, - говорилось в инструкции, - от своего горна арестанта потеряет, то ему быть самому каторжной работе, покамест тот арестант сыскан будет».

Само же помещение заводской тюрьмы казенного завода, было не типичным для заводских тюрем имения Демидовых. Демидовы как правило

⁵ Максимович полагает, что название их происходит от венецианских катарг, или галер (суда в три ряда весел — *trigemis*), и перенесено к нам Петром Великим после путешествия по Европе, так как в его журнале («Отечественные записки» 1848 г., №4) говорится: «Как приедет корабль или катарга»; но что такое название было известно ранее путешествия Петра, это видно из приведенного выше предложения Винниуса и из памятников более ранних. Ср. Сергеевский. Слово «катарга», во всяком случае, тождественно со словом «галера», и в указах оба выражения употреблялись безразлично. Из указаний Елагина «История русского флота» (приведены у Филиппова), видно, что первая 32-весельная галера была заказана в Голландии и доставлена в Архангельск в 1695 г., что первые преступники, употреблявшие на галерные работы, были стрельцы, после стрелецкого бунта 1698 г., которые отбывали службу на галерах «Периная тягота» и «Заячий бег» во время плавания в Керчи.

старались спрятать тюрьму под землей и это сооружение представляло собой широко распространенную в то время земляную тюрьму.

Иногда тюрьмой становился и сам рудник, в котором каторжане и жили и работали. На Кыштымском заводе сохранилась такая тюрьма.

В государственных тюрьмах осужденные жили более свободнее. Днем заключенным разрешалось гулять по тюремному двору. Часть из них, скованные общей цепью («на связке») и под охраной солдат, могли покидать острог для сбора милостыни «Христа ради». Арестанты «на связке» встречались на улицах каждого русского города, сбор милостыни был видом заработка, причем приносил немало. Зрелище заунывно поющих колодников оставляло тяжелое впечатление у прохожих. В указе Сената 1736 г. с упреком говорится, что арестанты «отпускаются на связке для прошения милостыни, без одежды, в одних верхних рубахах, а другие пытаны, прикрывая одни спины кровавыми рубашками, а у иных от ветхости рубах и раны битые видны»⁶. Выставлять раны и язвы напоказ было одним из приемов профессионального нищенства. Вернувшись в острог, арестанты делили милостыню на всех колодников. В тюрьмах существовала своя организация во главе с выборным старостой – типичный для преступного мира «общак». Старосты ведали «общаком», получали и распределяли передачи. Тюремное начальство делало им всевозможные поблажки, сговор («стачка») между тюремными сторожами и тогдашними «авторитетами» был делом обычным.

Допускались и случаи когда во двор тюрьмы допускались торговцы вразнос, у них арестанты покупали еду, одежду, из под полы – водку. Весь день тюрьма была открыта для посетителей. Родственники и знакомые приносили еду, одежду, лекарства. Женщины варили тут же тюремным сидельцам еду, стирали им белье. На ночь железные двери тюрьмы тщательно запирали, а снаружи выставляли охрану. За попытки побега, нарушения режима, оскорбление стражи следовали телесные наказания кнутом, плетью, батогами. В случае поимки беглеца проводилось

⁶ Таганцев Н.С. Уголовное право. Ч-2.-М.,2003.-С.221.

расследование по выяснению личности беглеца. Чтобы запутать следователей беглецы называли себя Иванами без родовой принадлежности, что позволяло скрыть место откуда был совершен побег. В силу этого обстоятельства бежавших называли «БЕЗРОДНОВЫ».

Побеги не были редкостью при таком достаточно свободном режиме. У преступников было немало способов бежать. Несмотря на неизбежное расследование с пытками и суровое наказание соучастников побега, сговор преступников и охраны был делом обычным. Нередко солдаты охраны, получив деньги и боясь наказания за «слабое смотрение», бежали вместе с преступниками. Е. И. Пугачев на допросе в 1774 г. рассказывал, что он с сообщником бежал из Казанской тюрьмы благодаря тому, что «в остроге из караульных приметили мы в одном солдате малороссиянине склонность к неудовольствию в его жизни, то при случае сказали ему о нашем намерении, а солдат и согласился. И все трое начали отыскивать удобный случай, дабы из острога бежать». Это им вскоре и удалось, когда они вышли из острога под охраной солдата сообщника якобы собирать милостыню.

Для предотвращения побегов и наказания провинившихся использовали различные оковы – цепи, кандалы, стулья, рогатки, колодки⁷. Чаще всего арестантов заковывали в колодки. «Колодка», или «колода», представляла собой две половинки дубового обрубка длиной до аршина с вырезанным в них овальным отверстием для ноги. Обе половинки замыкали замком или заклепывали с помощью штырей. Передвигаться в колодках было трудно, и люди в них «непрестанно падали и ушибались».

Цепные оковы – это кованая железная цепь с двумя широкими, размыкающимися браслетами на концах. Были цепи трех основных видов: для рук, для ног и для руки, ноги и шеи одновременно. Существовали «цепи», которые закрепляли на металлическом поясе вокруг талии преступника. В 1774 г. любопытствующие из дворян видели Пугачева в

⁷Гернет, М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. Т. 1. – М., 1941.– С. 74.

симбирской тюрьме «скованного по рукам и ногам железами, а сверх того около поясницы его положен был железный обруч с железной же цепью, которая вверху прибита была в стену». Из других источников известно, что один конец цепи вбивался в стену, лавку или в пол, а на другом конце укреплялся ошейник, ножной браслет или железный пояс с запирающимся на ключ навесным «цепным замком». Такая цепь называлась «настенной», а жизнь заключенного в таком положении называлась «цепным содержанием». Пугачева в московском Монетном дворе содержали так же, как и в Симбирске: «Злодей посажен в уготованное для его весьма надежное место на Манетном дворе, где сверх того, что он в ручных и ножных кандалах, прикован к стене». Кроме того, Пугачев сидел за специальной решеткой. Она ныне хранится в Государственном историческом музее в Москве.

Индивидуальные кандалы, в отличие от общих цепей, которые закрывались замками, были «замочные» и «глухие», которые кузнецы заклепывали наглухо. Упоминаются два вида оков: «тесные железа» и «готовые железа». Различие оков – в их индивидуальной подгонке к рукам и ногам колодника. Тесные делали для того, чтобы суровее наказать арестанта за непослушание, причинить ему боль, страдания. Освобождение от тесных оков нужно понимать как льготу. «Тесные железа» имели и другие названия: «твердые кандалы», «крепкие кандалы».

В 1830-е гг. тяжелые неудобные казенные кандалы начинают заменяться на облегченные «гаазовские», изобретенные доктором Федором Гаазом⁸. Их вес не превышал трех фунтов, они не стесняли арестантов при движении, не натирали рук.

Наряду с кандалами самым распространенным «противопобеговым устройством» для каторжан являлись индивидуальные цепи, которые в отличие от общих цепей, закрывались замками. Ни узошь — «теснота» кандалов, ни их вес не регламентировались. Так, в 1827 г. один разбойник

⁸ Феофанов Ю. Тюремный доктор Федор Петрович Гааз.// Журнал «Российская Федерация сегодня» №22. 2007.

носил оковы весом 2 пуда 30 фунтов (44 килограмма). Кроме веса важным считалось и число звеньев цепи, соединявшей браслеты. Дело в том, что меньший вес оков достигался за счет укорачивания цепи. Но если в ней оставалось всего одно-два звена, это не позволяло арестанту делать широкий шаг. От этого браслеты вскоре страшно натирали ноги.

На начало XIX в. во всех городках, крепостях, заводах Южного Урала существовали тюрьмы государственные, монастырские и заводские. Государственные в зависимости от масштабов населенного пункта назывались арестными или тюремными избами, дворами, острогами, гауптвахтами и подчинялись местной администрации в лице воевод, путных бояр, городских приказчиков, губных старост и т.д..

Заводские тюрьмы отличались от государственных своим устройством и подчиненностью. Эти тюрьмы зависели от заводской администрации и в силу этого обстоятельства были срубками (холодными, так называли рубленные тюрьмы без отопления) и земляными. О монастырских тюрьмах уже говорилось.

В связи с выше указным разделением тюрем разделялись и осужденные. Указом 1797 г. (№ 18140), все осужденные были разделены на три разряда: первый велено отсылать в Нерчинск и в Екатеринбург на работу в рудники на добычу золотых и серебряных руд и драгоценных камней; второй разряд — в Иркутск на тамошнюю суконную фабрику, а за неимением места — на поселение, а третий разряд — осужденных в смирительные и рабочие дома и другие казенные работы, отсылать к крепостным строениям; но это различие не представляло чего-либо точно определенного; так, в следующем же году было разъяснено, что в крепостные работы можно направлять только мужчин, осужденных в рабочие дома на большие сроки⁹.

Все способствовало тому, что на Урал из центральных губерний страны потянулись этапы с каторжанами. В силу этого обстоятельства по

⁹ Таганцев Н.С. Уголовное право. Ч-2.-М.,2003.-С.217.

всему маршруту следования этапов строились пересыльные тюрьмы на расстоянии 30-40 км друг от друга. Потребовались и конвоиры для этапов.

Этапы тянулись по дорогам в Сибирь и на Урал. Одной из таких дорог был будущий «Большой Сибирский тракт». Использовали Старую Казанскую дорогу (причем именно под таким названием) как ориентир и геодезисты, составлявшие планы и описания участков, отводимых под разработку рудников для назначенных к строительству Златоустовского и Саткинского заводов в 1751–1765 гг.: «...до речки Уряк с левой стороны и до дороги старой Казанской, а вершина оной речки Уряка влеве с 4 версты... от той дороги Старой Казанской поворота влево до речки Куваши впадшей в речку Ай вниз с левой стороны... пошли по инструменту от Саткинского заводу подле дорогу по которой ездят из города Казани в Новотроицкую крепость»¹⁰.

Известная дорога в народе получила несколько названий: «великий кандальный путь», «государева дорога», «Екатерининский тракт». На всем протяжении дороги указом Александра I предписывалось в местах расположения почтовых станций учредить этапы - пункты для дневок и ночёвок арестантов с постройкой специальных тюремных зданий. Самым известным этапным местом Южного Урала являлся Златоустовский этап, который находился на окраине заводского поселка и в близи тракта.

Местное население относилось к осужденным властью доброжелательно. Узнав, что на подходе к заводу идут ссыльные, крестьяне собирались в конце села и делали передачи- бутылки с молоком, пироги, шаньги, яйца, мед, табак.

Многие каторжане оставались в ведении местной власти и распределялись по строящимся заводами в местные тюрьмы - отроги.

Жизнь каторжных подробно описывает Болотов: «Собственное жилище их... состоит в превеликом и толстом остроге, посредине которого построена превеликая и огромная связь, разделенная внутри на разные

¹⁰ ОГАЧО, Ф. И-227, Оп. 1, Д. 1, ЛЛ. 215, 447.

казармы или светлицы. Сии набиты были полны сими злодеями, которых в мою бытность было около тысячи; некоторые жили внизу на нарах нижних или верхних, но большая часть спала на привешенных к потолку койках». Как и везде, политических и уголовных преступников держали вместе. Не делали различий по социальному положению и происхождению каторжан. Болотов писал: «Были тут знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякаго рода подлость... кроме русских, были тут люди и других народов, были французы, немцы, татары, черемисы и тому подобные».

Командиры назначенных к охране острога гарнизонных и армейских полков стремились скрасить себе тяжелую жизнь на каторге тем, что набивали карманы за счет заключенных. Взятки позволяли некоторым узникам избежать общих работ на каменоломнях и вообще годами не выходить из казармы с кайлом или тачкой. Власть командиров над заключенными была велика, а наказания и побои являлись обычной картиной. Молодой офицер Болотов, заметив, что сидевший на верхних нарах каторжный сбрасывал на него вшей, приказал «дать ему за то слишком более ста ударов, ибо бить их состояло в моей власти».

Охрана такого большого числа преступников была делом сложным и опасным, несмотря на предосторожности – всех каторжных держали в кандалах, а некоторые, как пишет Болотов, «имели двойные и тройные железа, для безопасности, чтоб не могли уйти с работы». Против побегов использовали, как и в тюрьме, цепи, колодки, различные стреноживающие узника снаряды.

Важно заметить, что при отправке человека на каторгу (особенно – вечную) жены и дети освобождались от обязанности следовать за наказанным мужем и отцом не только потому, что древний закон родовой ответственности перестал действовать, но главным образом потому, что на каторге преступники не жили вместе с семьями, как ссыльные. Их труд требовал для них тюремного содержания. Тюрьмой и являлся каторжный двор на территории завода. Если работы были в стороне от каторжного

двора, то все переходы скованных каторжных усиленно охранялись. Как пишет Болотов, в Рогервике «каторжных водили на работу окруженных со всех сторон непрерывным рядом солдат с заряженными ружьями. А чтоб они во время работы не ушли, то из того же камня сделана при начале мули маленькая, но не отделанная еще крепостца, в которую впустив, расставляются кругом по валу очень часто часовые, а в нужных местах пикеты и команды. И сии-то бедные люди мучаются еще более, нежели каторжные. Те, по крайней мере, работая во время стужи, тем греются, а сии должны стоять на ветре, дожде, снеге и морозе, без всякой защиты и одним своим плащом прикрыты быть, а сверх того ежеминутно опасаться, чтоб не ушел кто из злодеев».

Наказания солдат за ротозейство или соучастие побегам каторжников отличались суровостью. Прощтрафившихся охранников ждали допросы, пытки, шпицрутены или кнут, а также ссылка. Два раза в день, утром и вечером, устраивалась переключка каторжан по списку. Несмотря на всевозможные предосторожности и строгую охрану, как писал Болотов, «выдумки, хитрости и пронырства их так велики, что на все строгости находят они средства уходить как из острога, так и во время работы и чрез то приводить караульных в несчастье. Почему стояние тут на карауле соединено с чрезвычайной опасностью, и редкий месяц проходит без проказы».

О том же писал М. М. Щербатов: «Военные люди, почитающие себе в наказание быть определенными к сей страже, следственно за вину тех безвинно претерпевающие. Не взирая на строгую дисциплину, на частые дозоры, на поставление стражей повсюду и на цепь, когда несчастные ходили на работу, случалось, что некоторые уходили и бывали заговоры и злоумышления от собранных в единое место злодеев»¹¹.

С 1807 г. конвоирование этапов к местам каторги и ссылки российское правительство по инициативе первого министра внутренних дел В.П. Кочубея возложило на башкир и мещеряков, записанных в воинское

сословие по образцу казачьих подразделений. Мещеры для этой цели по своим качествам больше подходили. По этому на территории башкирии были организованы мещерские станицы. Мещеры хорошо взаимодействовали расположенными рядом гарнизонами регулярных войск и стражи.

Для оперативности управления и необходимости концентрации сил внутренней стражи в чрезвычайных ситуациях (бунты, восстания и т.п.) все губернские батальоны и сотни казаков и команды инвалидов сводились в бригады, бригады - в округа, которыми командовали генеральские чины.

Как видим из представленного обзора об исправлении осужденного в это время не думали.

Под влиянием идей просвещения, европейских исследователей Кокса и Говарда в 1787 г. Екатерина II собственноручно написала проект общего тюремного устава — «Положение о тюрьмах»¹². Положение предусматривало такие прогрессивные для того времени меры, как раздельное содержание подследственных от других категорий арестантов, мужчин от женщин, а также разобщение лиц, оказывавших вредное влияние друг на друга. Допустимым наполнением арестантских камер признавалось содержание вместе не более 2-3 человек.

Императрица хотела внести в законодательство больше мягкости и уважения к человеку. В документе Екатерина II требовала смягчения наказаний: «любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений». Также она потребовала отменить наказания, могущие изуродовать человеческое тело. Екатерина II выступала против применения пыток. Она считала пытку вредной, так как слабый может не выдержать пытки и сознаться в том, чего не совершал, а крепкий, даже совершив преступление, сможет перенести пытку и избежит наказания. Особенно большой осторожности она требовала от судей. «Лучше оправдать 10 виноватых, чем обвинить одного невиновного». Еще одно мудрое изречение: «гораздо лучше предупреждать

¹² См. Анисимов Е. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века.- СПб., 2004.

преступления, нежели их наказывать». Но как это сделать? Надо, чтобы люди чтили законы и стремились к добродетели. «Самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучше есть приведение в совершенство воспитания». Хотите предупредить преступления - сделайте, чтобы просвещение распространялось между людьми.

Екатерина II первой попыталась изменить существующую практику исполнения наказания. В ее воззвании просматривалась возможность исправления осужденного.

Следующий шаг был сделан Александром I. Царь оказал поддержку английскому филантропу Вальтеру Венингу. Для улучшения положения в местах лишения свободы В. Венинг предложил следующие меры: установить бдительный надзор за арестантами; разделить их по полу, возрасту и роду преступления; наставлять их в религии и нравственности; заставлять их заниматься разными ремеслами, рукоделиями и не позволять быть в праздности; в виде дисциплинарных взысканий подвергать их заключению в уединенном месте, а за важные проступки переводить на хлеб и воду с отменой одновременно всяких телесных наказаний; к этой системе приспособить и тюремные здания.

Наблюдение за выполнением этих пунктов В. Венинг предложил возложить на членов попечительного общества, проект которого был им разработан и представлен Александру I. 19 июля 1819 г. проект «Общества, попечительного о тюрьмах» был утвержден¹³.

Общество формировалось как самостоятельное учреждение, подчиненное самому императору и назначенному им президенту Общества. Членами и благотворителями могли быть представители дворянского сословия, духовенства и купечества. Пользуясь высочайшим покровительством, Общество быстро расширило свое влияние и к 1838 г.

¹³ См. Забровская, Л.Ю. Организационно-управленческие особенности формирования тюремной системы Российской империи в XIX веке / Л.Ю. Забровская. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 16 с.

имело 100 комитетов и отделений в различных городах империи, а к 1855 г. — 355 комитетов и отделений действующих и на Урале.

Комитеты Общества снабжали арестантов пищей, одеждой, бельем, обувью, книгами, устраивали при тюрьмах больницы, церкви, оплачивали работу священников организовывали обучение малолетних, создавали мастерские для обучения арестантов работам. Общество добилось, чтобы заключенных регулярно водили в баню; приобретало им постельное белье; добилось также выделения кормовых денег на детей арестантов, содержащихся вместе с родителями; организовало огороды при тюрьмах, собранные на которых овощи шли на стол арестантов.

Основанное с благотворительными целями, Общество постепенно получило в заведование казенные суммы. При таком положении дел оно уже не могло сохранять частный характер и в 1851 г. было причислено к Министерству внутренних дел, а в состав его местных комитетов и отделений в качестве обязательных членов были введены губернатор, епархиальный архиерей, председатели губернских присутственных мест и другие чины.

Благодаря членам «Общества, попечительного о тюрьмах», уголовно-исправительная система стала более открытой и обрела общественную значимость. Ее проблемы обсуждались на самом высоком уровне. Общество вносило в поддержание и развитие тюремной системы огромные деньги (за 60 лет более 21 миллиона рублей). Однако условия содержания под стражей, оставались неудовлетворительными. Благотворительных средств не хватало, а казна не жаловала места лишения свободы.

Отмена крепостного права в России (1861 г.), судебная и многие другие реформы, носившие безусловно прогрессивный характер, в тоже время имели для тюремной системы страны критические последствия.

Во-первых, резко возросло количество осужденных. Бывшие крепостные крестьяне, которых прежде за различные проступки наказывали

на месте, не прибегая к помощи государства, их помещики, теперь представляли перед судом и оказывались в тюрьмах.

Отмена телесных наказаний за преступления привела к тому, что взамен виновных стали приговаривать к тюремному заключению. Места лишения свободы оказались не готовы к такому наплыву арестованных и осужденных. К 1880 г. все имеющиеся места лишения свободы были переполнены на 20 процентов. В отдельных учреждениях переполнение достигало пятикратного уровня.

Во-вторых, финансовые затруднения, испытываемые в тот период казной, не давали возможности не только расширять, но и поддерживать в надлежащем состоянии места лишения свободы. С 1855 по 1881 гг. Министерство внутренних дел ни разу не получило кредита на ремонт и расширение тюремных зданий в полном объеме. Так, в 1879 г. по заявкам с мест потребность на эти цели составила 737 тыс. рублей, а ассигновано было всего 177,5 тыс. рублей. Тюрьмы приходили в антисанитарное состояние, ветшали, некоторые разрушались. Мастерские при местах закрывались и переоборудовались в камерные помещения. При этом во многих тюрьмах не было женских отделений.

С 1869 г. в европейской части страны приговоренные к каторге эпатировались в специальные тюрьмы, получивших в народе название «централов», откуда организованным этапом отправлялись в Сибирь через Уральские пересыльные тюрьмы. Но в середине XIX в. имеющиеся на Урале учреждения не могли справиться с потоком каторжан.

Назревала тюремная реформа. Одной из основных задач которой стало совершенствование системы управления местами заключения, повышение роли центрального органа тюремного ведомства в осуществлении контрольных функций, обеспечении единства карательной практики на всей территории империи. Образованное в марте 1879 г. в составе Министерства внутренних дел Главное тюремное управление стало высшей контролирующей и распорядительной инстанцией, осуществляющей

непосредственное руководство подчиненными ему местными органами тюремного ведомства. Первое, за что взялось новое подразделение министерства — надлежащее устройство тюремных помещений. Так как сооружение новых тюремных зданий требовало крупных затрат, их строительство было ограничено крайней необходимостью. Главный упор был сделан на приспособление под тюремные помещения уже существующих строений. За время с 1879 по 1889 г.г. на новые постройки было потрачено более 3 млн. рублей, а на приспособление и переустройство существующих зданий — до 4,4 млн. рублей. Для экономии подрядная система во многих случаях заменялась хозяйственной и там, где представлялось возможным, применялся труд арестантов. Все это требовалось сделать в кратчайшие сроки по всем губерниям империи.

Уральские тюрьмы Уфимской и Оренбургской губернии не стали исключением из общего правила.

В Уфимской губернии было 5 тюремных замков, один рабочий дом со смирительным отделением в г. Уфе и два этапа в Мензелинском и Златоустовском уездах. Тюремные замки находятся в довольно удовлетворительном состоянии. Необходимо заметить, что этапы на тот момент были не тюрьмами. Скорее всего это были огороженные помещения временного пребывания этапников. Это объясняет тот факт, что в отчете Уфимский губернатора за 1874 год сообщалось об отсутствии тюрьмы в Златоусте.

«... Тюрьмы, хотя и ремонтируются ежегодно, но лишь настолько, чтобы поддержать их от окончательного разрушения и совершенной неспособности к содержанию в них арестантов.

В случае же, если ожидаемое в губернии введение судебной реформы будет отложено на неопределенный срок, то дальнейшее поддержание Бирской, Стерлитамакской и Мензелинской тюрем в сколько-нибудь соответствующем назначению их виде представит весьма серьезные затруднения, а в г. Златоусте совсем нет тюрьмы.. .».

В Оренбургской губернии в этот период действовало 5 тюремных замков – в Оренбурге (губернском городе) и во всех четырех уездных городах – в Орске, Верхнеуральске, Троицке и Челябинске¹⁴. Необходимо сказать, что в этот период состояние тюрем по всему Уралу было одинаковым. Большинство из них были деревянными. В первую очередь, обращает на себя внимание теснота помещений. Количество спецконтингента превышало все допустимые нормы. В циркулярном письме Главное тюремное управление России от 25 сентября 1879 г. устанавливало нормы, согласно которым в камере на одного арестанта должно было иметься по 2 кубических сажени воздуха¹⁵.

Но эти нормативы оставались только на бумаге. Действительность была другой. Статистика архивных материалов указывает, что в Оренбургской тюрьме и ее двух отделениях размещенных в двух снятых для этой цели помещениях должно было содержаться 265 человек, а в действительности содержалось в них 452 человек¹⁶. В другом уездном городе Троицке тюрьма была рассчитана на 90 человек, а содержалось в ней до 200 человек¹⁷. В других городах губернии Орске, Верхнеуральске и Челябинске тюрьмы требовали ремонта из-за своей ветхости¹⁸.

Во второй половине XIX в. по подсчетам Б. Н. Миронова, фактическое наполнение тюрем в стране превосходило лимитное в 1,4 раза и увеличивалось с заметной прогрессией.¹⁹

Чтобы справиться с нарастающим количеством осужденных правительство было вынуждено нанимать у частных помещиков помещения для размещения спецконтингента. Так, в Челябинском уезде в исследуемый период было нанято два здания – одно под тюремную больницу у купца

¹⁴ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л.13.

¹⁵ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг. Ч. I. 1879–1895 гг. – СПб., 1911. – С. 100. – № 2677.

¹⁶ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 25., 33.

¹⁷ Там же. Л. 25–25 об.

¹⁸ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 17–18.

¹⁹ Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – Т. 2. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 36.

Михаила Крашенинникова сроком на 6 лет за 500 р. в год, другое у купца Соломона Бренна сроком на 6 лет за 400 р. в год²⁰, а в Верхнеуральском уезде под тюремную больницу был нанят дом у вдовы коллежского советника Копчинской²¹. В другом городе губернии Троицке под тюремное помещение было приспособлено здание городской больницы²². Наряду с наймом помещений местная власть пыталась провести возможные ремонты помещений. На эти цели собирались деньги. Даже центральные власти пошли на это. Так в одном из циркуляров указывалось:

«Прошу гг. начальников губерний доставить во вверенное мне министерство к 15 января 1860 гг., на прилагаемой на обороте сего форме, подробные сведения о состоянии капитала, собранного на устройство присутственных мест и тюрем».

Подписал данный документ министр внутренних дел С. Ланской²³.

Собранные деньги шли на обустройство тюрем. В отчете за 1886 г. указывается, что в Оренбургском замке был произведён обыкновенный ремонт на 230 р., в Орском замке – на 266 р., в Верхнеуральском – на 150 р., в Челябинском – на 747 р. В Троицком уезде на приспособление здания городской больницы под тюремное помещение было потрачено 3700 р.²⁴

Кроме сбора средств для ремонта центральная власть разработала правовую норму для постройки новых зданий. В приложении к циркуляру от 13 апреля 1882 г. предлагались общие правила для составления проектов на постройку, переустройство и расширение мест заключения. Тюрьма должна была состоять из жилых квартир чинов управления и надзора, из помещений, предназначенных для потребностей администрации тюрьмы, и из собственно арестантских камер и хозяйственных помещений²⁵. Это предопределило общее направление строительства тюрем в государстве. В последующие годы

²⁰ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 12.

²² Там же. Л. 25.

²³ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ГИА РБ), ф. И-9, оп. 1, д. 383, л. 58, л. 121.

²⁴ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 3–3 об.

²⁵ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879_1910 гг. – Ч. I. 1879_1895 гг. – СПб., 1911. С. 190–193.

в соответствии с этими требованиями были построены тюрьмы в Верхнеуральске и Златоусте.

Как уже указывалось выше, скучность в тюрьмах была высокой. Нехватка необходимых помещений и их плохое техническое состояние приводили к дезорганизации быта заключенных. В Уральских тюрьмах отмечались случаи, когда арестанты не были распределены по категориям и по видам преступлений, а иногда малолетние преступники и дети арестантов содержались совместно в общих камерах с взрослыми арестантами. Там они играли и проходили свои первые «учебные классы». Примером такого положения может служить тот факт, что в Челябинском тюремном замке, не предназначенном для содержания малолетних, в течение одного только 1886 г. было зарегистрировано 70 детей²⁶. Взрослые иногда для пропитания себя и формирования «общака» отправляли детей на рынки для прокорма вместе со старостами. Это во многом было вызвано тем, что на питание арестантов в каждой тюрьме казной выделялась сумма из расчета 7 коп. в сутки на здорового заключенного и 59 коп. – на больного²⁷.

В циркуляре Главного тюремного управления от 17 марта 1882 г. описывался случай, когда в одной из уездных тюрем арестанты питались не из общего котла. Местным отделением попечительного общества о тюрьмах были собраны кормовые деньги. Эти деньги получали на руки арестантские старосты для приобретения пищи. Они сами ходили в лавки и на базар за продуктами и сами готовили пищу. Неизбежно образующиеся при такой системе остатки от кормовых денег распределялись между арестантами, а это противоречило правилу, при котором арестанты не должны были иметь при себе денег²⁸. На основе этого циркуляра в Верхнеуральской тюрьме Оренбургской губернии продовольственное обслуживание арестантов осуществлялось так называемым хозяйственным способом, то есть путём

²⁶ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

²⁷ Там же. Л. 12 об.

²⁸ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879_1910 гг. – Ч. I. 1879_1895 гг. – СПб., 1911. – С. 185. – № 58.

избрания экономов, которые следили за составлением рациона. Для улучшения пищи отпускались мясо, рыба, сало, горох, капуста, картофель, а также овощи из тюремного огорода²⁹.

В оренбургском замке пища арестантов состояла из завтрака (хлеба с квасом), обеда и вечернего чая. Для приготовления пищи из среды арестантов выбирались кашевары, хлебопёки и квасники. В губернской тюрьме была столовая, в других же тюрьмах из-за нехватки помещений столовых не было.

Нельзя не признать, что министерство искало возможности улучшения продовольственного снабжения арестантов за счет внутренних резервов. Циркуляр от 21 августа 1879 г. обращал внимание тюремного начальства на возможность улучшения продовольственной обеспеченности заключенных путем создания собственных огородов, а также устройства хлебопечения в тюрьмах³⁰. И действительно, трудом арестантов Оренбургской губернии обрабатывались тюремные огороды. Однако они были не при всех тюрьмах по причине нехватки места и малочисленности караула. Огороды были большим подспорьем для тюремного быта как в обеспечении продовольствием, так и в отношении общего улучшения арестантской жизни.

Региональное руководство мест заключения уделяло определенное внимание организации в тюрьмах церковных служб. Церквей при тюрьмах не было. Лишь при губернском оренбургском тюремном замке существовала церковь св. Великомученицы Варвары, где богослужение совершалось особым причтом из священника и диакона, получавших жалование из сумм Оренбургского попечительского комитета о тюрьмах³¹. Но для богослужения в воскресные и праздничные дни в каждом тюремном замке выделялось

²⁹ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 18 об.

³⁰ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879_1910 гг. – СПб., 1911.– С. 97–99. – № 1836.

³¹ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.

отдельное помещение. Как правило, это была обычная арестантская камера³². Местные священники также периодически приглашались для бесед с арестантами³³.

Слабой стороной организации арестантского быта являлось их медицинское обслуживание. Циркуляром от 2 мая 1880 г. тюремным администрациям настоятельно советовалось не пересылать больных арестантов из одного места заключения в другое до их полного выздоровления во избежание как подрыва здоровья последнего, так и его «собратьев по несчастью»³⁴. Но такая практика, при всей ее предосудительности, была вынужденной, так как обуславливалась слабой здравоохранительной базой тюрем. В Оренбургской губернии формально больницы имелись в большинстве тюрем – Оренбургском, Верхнеуральском и Челябинском тюремных замках (в двух последних они помещались в наёмных помещениях). В Орске заболевшие арестанты за определённую плату направлялись в военный лазарет, в Троицке – в городскую больницу. Однако условия в этих медицинских пунктах были неудовлетворительными.

Отдельным направлением регулирования тюремной жизни была организация оплачиваемых и неоплачиваемых хозяйственных работ для арестантов. В циркуляре от 20 мая 1880 г. констатировалось, что не во всех губерниях арестантские работы были организованы³⁵. Причинами тому являлись региональные неблагоприятные условия:

во-первых, недостаток спроса на арестантский труд;

во-вторых, малочисленность конвоя во многих городах препятствовала выходу арестантов на внешние работы;

в-третьих, внутренние работы не всегда могли быть осуществимы из-за тесноты тюремных помещений. Взаимосвязь существовавших проблем

³² Там же. Л. 9 об.

³³ Там же. Л. 11, 13, 32–33.

³⁴ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. – СПб., 1911.– С. 120–121. – № 3572.

³⁵ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. – СПб., 1911.– С. 126–127. – № 4364.

усложняла борьбу с ними. В упомянутом циркуляре анализировалась практика бесплатных казенных работ арестантов по очистке площадей, улиц, дворов. Был сделан однозначный вывод о неправомерности такой практики, поскольку, согласно букве закона, бесплатно арестанты могли работать только на внутренних работах либо во время эпидемий и других экстремальных ситуаций. Незаплаченные суммы официально взыскивались с соответствующих «начальствующих лиц».

В Оренбургской губернии исследуемого периода важнейшим элементом внутренней организации мест заключения являлись мастерские. Но их количество было недостаточным. Так, в Оренбургском тюремном замке под мастерскую была приспособлена только одна из камер. Мастерские арестанты занимались починкою обуви, одежды, белья. Остальные арестанты занимались уборкой двора, камер, возили воду; эта работа, естественно, не оплачивалась.

Арестанты выполняли работы в тюремном хозяйстве, шили обмундирование для заключенных и надзирателей, исполняли разнообразные частные заказы — плотничные, кузнечные, слесарные, сапожные, столярные, картонажные.. . Особое место в производстве занимали кирпичные заводы, имеющиеся при трех тюрьмах - уфимской, мензелинской и стерлитамакской. В 1910 году они изготовили более 1,2 млн. штук цельных кирпичей и 10,5 куб. м. - половинок. Эти производственные мощности позволили, в кратчайший срок, возвести новую тюрьму в Златоусте около железнодорожного вокзала. Это позволило отказаться от пересылки в этом городе.

Общий годовой доход от производственной деятельности превысил 52 000 рублей. Из них более 18 000 рублей поступило в пользу арестантов. Необходимо отметить, что в то время внутренние арестантские работы в тюрьмах были направлены главным образом на удовлетворение различных хозяйственных потребностей самого учреждения. Исключением являлись переплётные мастерские по изготовлению коробов под уголь, изготовление

из бумаги папиросных гильз, плетение кружев и т. п. – эти виды деятельности были направлены на извлечение дополнительного дохода. Однако главными источниками дохода были земляные и каменные работы, пилка дров, очистка площадей и улиц, плотничные и столярные работы, сбор овощей с огородов, сенокошение, обжигание алебаstra на основе контрагентных отношений. Немалую долю доходов составляли сапожные и портняжные ремёсла, которыми успешно занимались арестанты Оренбургской губернской тюрьмы – они производили одежду и обувь для всех остальных тюрем губернии. Часть вырученных денег шла в пользу тех кто непосредственно работал, а часть сдавалась в казну³⁶. Циркуляр Главного тюремного управления от 30 ноября 1882 г. жестко регламентировал сумму такого отчисления: на счета государственного казначейства должно было поступать 2/3 всех сумм, зарабатываемых арестантами, содержащимися в исправительных арестантских отделениях³⁷.

Иногда местные жители нанимали арестантов для частных работ, в основном, для пилки дров. Часть вырученных денег шла в пользу арестантов-рабочих, но 2/3 заработанного сдавалось в Оренбургское казначейство³⁸.

В стране назрела необходимость коренного реформирования системы исполнения наказаний, которая предусматривала строительство новых зданий учреждений. К 1890 г. построили 11 тюремных зданий, перестроили и капитально отремонтировали 57 зданий.

К концу века более чем на четверть увеличилось количество тюремных надзирателей (с 4478 человек в 1879 г. до 5684 в 1899 г.). В 1888 г. на одного надзирателя приходилось 13,7 арестантов. Улучшилось материальное положение тюремных служащих. Среднегодовой оклад надзирателя, например, увеличился до 151 руб.

³⁶ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 21.

³⁷ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. – СПб., 1911. – С. 222. – № 34.

³⁸ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

Позитивным шагом по дальнейшей гуманизации тюремной системы явилась передача Главного тюремного управления в ведение Министерства юстиции. В XX век Главное тюремное управление вступило с 895 тюрьмами и большим штатом тюремной администрации, чиновников и стражников, которые не могли организовать изменение системы по пенитенциарному направлению.

Впрочем, новый век ознаменовался ростом преступности. Тюрьмы снова оказались переполнены.

Губернское начальство констатировало, что размеры тюрем уже не соответствуют нормативам, а их санитарно-гигиеническое состояние оставляет желать лучшего. Златоустовская тюрьма пришла в ветхость. Для исправления положения предпринимались определенные шаги.

Так Главное тюремное управление разрешило приступить к постройке новой тюрьмы в Златоусте, и в Верхнеуральске, Челябинске.

Но надо отметить, что на Южном Урале в начале XX века имелось более 20 тюремных замков, но только 4 из них — в Уфе, Челябинске, Златоусте и Саткинском заводе — представляли собой специально построенные для этой цели здания. Остальные размещались в наемных квартирах, как в Верхнеуральске. Необходимо отметить, что строительство и содержание арестных домов относилось к сфере деятельности земства. Всего в течение 1910 года в арестных домах содержалось 9453 человека.

К началу XX в. система уголовно-исправительных учреждений имела ряд серьезных проблем:

Во-первых это проблема нехватки помещений из-за увеличившегося потока осужденных к наказанию в виде лишения свободы.

Во-вторых имеющиеся учреждения к началу века технически устарели, так как в основе своей были деревянными.

В-третьих требовалось всю систему привести к единому стандарту отвечающему требованиям гуманизма и истинной пенитенциарной направленности.

В - четвертых требовалось увеличить штаты сотрудников и уровень их материального вознаграждения.

Правительство решило начать с постройки новых тюремных зданий из камня и кирпича. А проблема пенитенциарной направленности свелась к использованию труда осужденных.

Примечание.

1. История Российской Епархии, собрания Новгородской семинарии Ректором и Богословия учителем Амвросимом. Часть 4, М., 1812.С.3.
2. Иофа Л.Е. Города Урала. Ч.1. Феодалный период. М., 1951.
3. ГАПО Ф. 316. Оп. 1. Д. 32, 50.
4. ПСЗРИ. Т. XXII. № 15992.
5. Сизиков М.И. История государства и права России с конца XVII до начала XIX века. - М., 1998. -С. 25
6. Полное собрание законов Российской империи. Т.-8,- С Пб., 1830.- С.2.
7. Максимович полагает, что название их происходит от венецианских катарг, или галер (суда в три ряда весел — *trigemis*), и перенесено к нам Петром Великим после путешествия по Европе, так как в его журнале («Отечественные записки» 1848 г., №4) говорится: «Как придет корабль или катарга»; но что такое название было известно ранее путешествия Петра, это видно из приведенного выше предложения Винниуса и из памятников более ранних. Ср. Сергеевский. Слово «катарга», во всяком случае, тождественно со словом «галера», и в указах оба выражения употреблялись безразлично. Из указаний Елагина «История русского флота» (приведены у Филиппова), видно, что первая 32-весельная галера была заказана в Голландии и доставлена в Архангельск в 1695 г., что первые преступники, употреблявшие на галерные работы, были стрельцы, после стрелецкого бунта 1698 г., которые отбывали службу на галерах «Периная тягота» и «Заячий бег» во время плавания в Керчи.
8. Таганцев Н.С. Уголовное право. Ч-2.-М.,2003.-С.221.
9. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. Т. 1. – М., 1941.– С. 74.
10. Фефанов Ю. Тюремный доктор Федор Петрович Гааз.// Журнал «Российская Федерация сегодня» №22. 2007.
11. См. Иванов А. И..Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки, 1927. Описанию Соловецкой тюрьмы посвящены следующие работы: М. Колчин. Ссылные и заточенные в Соловецком остроге в XVI - XIX в. М., 1908; В. И. Немирович — Данченко. Соловки. СПб., 1875; А. С. Пругавин. В казематах. СПб., 1909; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 1 - 5. М., 1951 - 1956; Д. Венедиктов. Палачи в рясах. М., 1923.
12. Яковлев С.П. Вопросы трудоустройства заключенных по Своду учреждений и уставов содержащихся под стражею 1890 года // Сборник научных статей преподавателей и аспирантов. Выпуск XV. Ч. 2. - Чебоксары: Салика, 2001. - С. 318-323.
13. Таганцев Н.С. Уголовное право. Ч-2.-М.,2003.-С.217.
14. См. Анисимов Е. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века.- СПб., 2004.
15. См. Забровская, Л.Ю. Организационно-управленческие особенности формирования тюремной системы Российской империи в XIX веке / Л.Ю. Забровская. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 16 с.
16. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л.13.
17. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг. Ч. I. 1879–1895 гг. – СПб., 1911. – С. 100. – № 2677.
18. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 25., 33.
19. Там же. Л. 25–25 об.
20. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 17–18.
21. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – Т. 2. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 36.
22. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.

23. Там же. Л. 12.
24. Там же. Л. 25.
25. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ГИА РБ), ф. И-9, оп. 1, д. 383, л. 58, л. 121.
26. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 3–3 об.
27. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879_1910 гг. – Ч.І. 1879_1895 гг. – СПб., 1911. С. 190–193.
28. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.
29. Там же. Л. 12 об.
30. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879_1910 гг. – Ч.І. 1879_1895 гг. – СПб., 1911. – С. 185. – № 58.
31. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 18 об.
32. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879_1910 гг. – СПб., 1911.– С. 97–99. – № 1836.
33. ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 19.
34. Там же. Л. 9 об.
35. Там же. Л. 11, 13, 32–33.
36. Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. – СПб., 1911.– С. 120–121. – № 3572.
- ³⁷ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. – СПб., 1911.– С. 126–127. – № 4364.
- ³⁸ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 49. Л. 21.
- ³⁹ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879-1910 гг. – СПб., 1911.– С. 222. – № 34.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.